

РАЗДЕЛ III. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470)¹¹ 1954-1955

Горлов В.Н.

Московский государственный областной университет

НОВЫЕ ЧЕРЕМУШКИ. ПЕРЕХОД К МАССОВОМУ ВНЕДРЕНИЮ МИКРОРАЙОННОЙ ЗАСТРОЙКИ В СССР В 50-60-е гг. XX в.

Аннотация. В статье рассматривается роль и место микрорайона в жилищном строительстве в СССР. Также раскрывается влияние микрорайонов на проблемы комплексного развития социокультурной сферы, улучшения бытовых условий советских граждан. В статье исследуются социально-культурные аспекты проблем градостроительства, рассматриваются причины перехода к микрорайонной организации городского хозяйства, проанализированы противоречия в городском хозяйстве, которые не получили своевременного разрешения в предшествующий период.

Ключевые слова Архитектура, микрорайон, индустриальное строительство, типовое проектирование.

V. Gorlov

Moscow State Regional University

NOVIE CHEREMUSHKI. TRANSITION TO MASS INTRODUCTION INTO THE MICRODISTRICT SYSTEM IN THE USSR IN 50-60S OF XX CENTURY

Abstract. The article dwells on the role and place of microdistricts in the USSR's house-building. The influence of microdistricts on the problems of social and cultural sphere development through improving Soviet citizens' conditions of life are described. The article also studies the social and cultural aspects of town-planning problems, as well as the transition to the district organization of the urban area. The author highlights the contradictions in municipal services that were not widely studied in the previous time period.

Key words: architecture, microdistrict, industrialized construction, standardized design.

Идея создания микрорайона как комплекса, в пределах которого обеспечена система общественного обслуживания населения, родилась в Совет-

© Горлов В.Н., 2014.

ском Союзе и получила повсеместное распространение.

Уже в 30-е гг. архитекторы и строители получили возможность ставить и разрешать такие задачи, как созда-

ние при жилых домах озелененных дворов-садов, содержащих различные элементы благоустройства. В предвоенный период проблема благоустройства жилых кварталов тесно увязывалась с задачей научного обоснования различных норм и требований, в первую очередь гигиенических. Целый ряд научно-исследовательских институтов (Московский научно-исследовательский санитарный институт им. Ф.Ф. Эрисмана, Государственный центральный НИИ коммунальной санитарии и гигиены, ЦАГИ и др.) совместно с архитектурно-проектными мастерскими занимались исследованием вопросов организации и благоустройства жилых кварталов с точки зрения создания в них наилучших условий проветривания, инсоляции и т. п. Направление улиц, организация их в сеть, ширина улиц являлись важнейшим и сложнейшим вопросом планировки как новых городов, так и старых.

В послевоенные годы были подняты вопросы наиболее целесообразной организации жилой застройки и установление определенной системы в размещении учреждений обслуживания. Бывшим Комитетом по делам архитектуры при Совете Министров СССР в 1945-46 гг. был проведен конкурс на проекты жилых микрорайонов. Этот конкурс отличался многообразием творческих предложений по разработке приемов застройки жилых микрорайонов и размещении в них обслуживающих учреждений.

Сама идея проведения конкурса на жилой микрорайон стала возможной в обстановке некоторой либерализации социальной жизни в последние годы войны и первые годы мира, вызвана хлынувшим потоком информации о

массовом жилищном строительстве в Англии и США. Это заставило вспомнить и отечественный опыт – ведь большинство англоязычных источников ссылались на разработки по комплексному жилкому кварталу, приводившиеся в начале 30-х гг. в Гипрогоре, Институте коммунальной гигиены, харьковском Гипрограде. Для условного обозначения нового принципа проектирования, ориентированного на «комфортабельное обслуживание всеми видами устройств всех групп населения» выбрали термин «микрорайон», заимствованный из старых работ Гипрограда, которым и переводили англоязычное понятие «нейборхуд юнит» (соседское объединение).

Нужно помнить, что это обсуждение проходило в ноябре 1946 г., т. е. в разгар кампании «реагирования» на печально известное постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», положившее конец кратковременной либерализации духовной атмосферы в обществе. Главный смысл поисков русских аналогов микрорайона был один: размежеваться с теорией «нейборхуда». Жесткой критике подверглись все публикации по зарубежному градостроительству. В течение 1947 г. слово «микрорайон» постепенно исчезло из профессиональной лексики, поскольку оно воспринималось если не как точный перевод, то как смысловой аналог «нейборхуда». С момента выхода известных постановлений в журналах «Звезда» и «Ленинград» в 1946 г. начался процесс усиления контроля над духовной жизнью, разрыва с западной культурой, вырастание тенденций изоляционизма.

Дискуссия, развернувшаяся в 1945-46 гг. вокруг конкурса на составление

экспериментальных проектов жилых микрорайонов, была по сути первой в послевоенный период попыткой подступить к созданию полноценной жилой среды. Она с самого начала была отмечена желанием отойти от англо-американской теории «нейборхуд», вписать микрорайон в общую концепцию советского города. Эту попытку нельзя было назвать удачной, так как в сгущавшейся общественной атмосфере уже не могло быть продолжения поисков.

Отрицательную политическую окраску получили попытки использовать идеи микрорайона и на XII пленуме правления ССА, проходившем в июле-августе 1947 г. Ссылки западных проектировщиков на приоритет советской архитектуры в разработке жилого квартала, о которых с оттенком гордости упоминалось в конце войны, теперь рассматривались не иначе как скандальная политическая провокация. Отечественный опыт конца 20-х – начала 30-х гг., в котором действительно было немало ценного, вновь отправлялся в небытие, и ссылаться на него становилось опасным.

Если в работах 1947 г. ещё ощущалось определенное желание объективно разобраться, чем плох или хорош микрорайон, то в следующем 1948 г. наступило полное неприятие этих идей. Вместе с запретом на изучение и использование англо-американской практики жилищного строительства были прерваны и поиски новой социально-функциональной основы организации городской среды. Несмотря на актуальность вопроса организации обслуживания населения в микрорайонах, широкого развития в практике строительства и в дальнейшем проек-

тирования послевоенной Москвы эти идеи не получили.

В послевоенный восстановительный период 1945-46 гг. строительство велось приёмами ленточной или «штучной» застройки магистралей и улиц. Многоэтажные дома строились вдоль красной линии в виде заслонов, отгораживающих улицу от внутриквартальной территории.

Только начиная с 1951-52 гг., в практике строительства жилых кварталов намечается поворот в сторону повышения роли внутриквартального пространства. В период до 60-х гг. и до введения в строительную практику достаточно жесткой ступенчатой системы общественного обслуживания (позволившей наладить типовое проектирование массовых общественных зданий и определить правила расчета и размещения сетей обслуживания) в первые этажи жилых домов встраивались, как правило, предприятия общественного питания, торгово-бытового и культурного обслуживания.

С середины 50-х гг. главный акцент в интерпретации совокупного социального заказа резко смещается в сторону скорейшего решения насущной жилищной проблемы. Переломным моментом в подходе к решению планировки и застройки жилых районов городов было Всесоюзное совещание строителей (декабрь 1954 г.). На этом совещании критике подвергалась практика застройки городов, в частности, было отмечено, что архитекторы не уделяют должного внимания вопросам создания рациональной системы обслуживания населения. В обращении участников Всесоюзного совещания строителей указывалось, что в «ряде проектов неудовлетвори-

тельно решаются вопросы размещения учреждений культурно-бытового обслуживания» [6, с.14].

Известно, что после 1954 г. на основе обобщения практики строительства и проектирования были пересмотрены старые приёмы и разработаны новые принципы планировки и застройки жилых районов. Возникает вопрос, что было главной причиной такого пересмотра: жилищный кризис, волевые решения или перемена эстетических идеалов эпохи? На характер пересмотра практики строительства оказало своё влияние и укрепление рационалистического мировосприятия в те годы. На первый план выступали чисто практические задачи, которые стремились решить в ущерб образности архитектуры, за счет снижения эстетических требований к ней. Развертывание научно-технической революции сопровождалось установлением рационалистического отношения и к архитектуре, её социальным целям. Поэтому и выбрали наиболее эффективный и простой путь типизации зданий.

В середине 50-х гг. созрела не просто проектная идея, а возник общественно-социальный заказ на новые формы и новую организацию жизни, поэтому именно тогда закладывались районы массовой жилой застройки нового поколения. Вследствие широкого внедрения индустриальных методов в строительстве получила распространение микрорайонная застройка, которая решалась в основном приёмами «свободной» планировки. Микрорайонная организация городской среды ознаменовала собой новый этап советского градостроительства. Структурной основой при застройке населенных мест был признан микрорайон – архитек-

турно законченный жилой комплекс со всеми видами благоустройства и коммунального обслуживания [9]. В проектных организациях и научно-исследовательских институтах начали разрабатываться проекты планировки и застройки жилых микрорайонов, в том числе экспериментальных. Отчет нового этапа московского градостроительства, с которым была связана утрата своеобразия столицы, следует вести с 1955 г., даты начала решительной индустриализации строительства и тотальной типизации.

В период с 1955 по 1959 гг. была проведена большая теоретическая и практическая работа по решению задач наиболее целесообразной организации жилой застройки микрорайонов, определены приемы размещения учреждений обслуживания в микрорайонах. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР» [7] указывалось, что жилищное строительство должно размещаться на свободных территориях, преимущественно крупными массивами. Все здания культурно-бытового назначения намечено было строить только по типовым проектам, что потребовало установления определенной системы группировки зданий, с выявлением наиболее оптимальных их размеров и состава помещений.

Приблизительно с 1958 г. вопросы организации культурно-бытового обслуживания становились в центре внимания широкой архитектурной общественности. В НИИ градостроительства Академии строительства и архитектуры СССР были разработаны «Указания по планировке и застройке жилых районов и микрорайонов». Над этими проблемами уже работал ряд

институтов Академии строительства и архитектуры СССР, Московский архитектурный институт, Специальное архитектурно-конструкторское бюро и другие научные и проектные организации.

Нельзя не сказать ещё об одной стороне перелома середины 50-х гг. Индустриализация и типизация жилища рассматривались вне увязки с типизацией и индустриализацией учреждений соцкультбыта: школ, магазинов и т. д. Это создавало предпосылки для некомплексности застройки, отрыва роста обслуживания от роста жилья, способствовало созданию районов-спален.

В связи с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об упорядочении расходования денежных средств и материальных ресурсов на строительство административных, спортивных и других общественных зданий и сооружений» [8] было временно ограничено строительство клубов, дворцов культуры, плавательных бассейнов и некоторых других дорогостоящих общественных зданий. В результате этого основными зрелищными и культурно-просветительными учреждениями в новых районах становились кинотеатры. Такое положение нельзя было считать правильным, так как кинотеатры никак не могли заменить клуб.

Принцип микрорайонирования в организации ступенчатого обслуживания получил дальнейшее развитие и закрепление в «Правилах и нормах планировки и застройки городов» 1959 г., которые были разработаны и утверждены Институтом градостроительства. В основу застройки городов был положен принцип комплексного проектирования районов массового

жилищного строительства. Подлежащая застройке территория разбивалась в соответствии с архитектурно-планировочной организацией города в целом на жилые районы площадью до 250 га и с населением 20-50 тыс. человек. Внутри жилого района создавалась сеть культурно-бытовых учреждений периодического пользования: кино, библиотеки, почта-телеграф, магазины, поликлиники и др. с радиусом обслуживания не более 1,5 км. Жилой район подразделялся на микрорайоны (площадью до 30-40 га и с населением до 10-12 тысяч человек), являвшихся основным планировочным звеном жилой застройки [10, с. 120].

Микрорайон располагался в пределах межмагистральной территории с учетом естественных и искусственных рубежей. При планировке и застройке микрорайонов выделялись жилая зона и участки для размещения учреждений культурно-бытового обслуживания населения повседневного пользования (школы, детские учреждения, магазины, гаражи, сад и др.) [10, с. 120]. Таков был в общих чертах порядок планировки и застройки городов, закрепленный в новых правилах и нормах 1959 г.

Большинство архитекторов считали, что главное – найти оптимальные размеры города, базируясь на установленной численности населения. Многие были твердо уверены, что основой построения города должна быть ступенчатая система обслуживания: микрорайон с центром обслуживания повседневных нужд людей; определили предельно допустимое расстояние от подъезда жилого дома до детского сада (150-200 метров), школы (200-300 метров), местного торгового центра,

учреждений бытового обслуживания, поликлиники (500 метров); жилой район, образуемый группой микрорайонов, и в нём центр для удовлетворения периодических потребностей, состав обслуживающих учреждений значительно расширен (поликлиники, больницы, кинотеатр, универмаги, спортивные сооружения и т.д.) [10, с. 120]. На смену старому кварталу пришли планировочные схемы, где так или иначе расставленные группами пятиэтажки собирались вокруг одного или нескольких 9-, а позднее 12-этажных домов – башен из бетонных блоков. Между этими домами планировали разбить скверы, газоны, площадки для отдыха и детских игр, дорожки микрорайонного сада. Архитектурная пресса этого периода изобиловала красноречивыми выступлениями в защиту социалистических микрорайонов, а талантливые архитекторы сопровождали слова впечатляющими эскизами новых проектов [2, с. 13].

К 1960 г. наметилось отставание темпов благоустройства Москвы от уровня развития жилищного и культурно-бытового строительства. Состоявшаяся в марте 1960 г. сессия Моссовета вынуждена была отметить, что «Москва по своему внешнему облику все еще не отвечает требованиям, предъявляемым к современному столичному городу» [3, с. 1]. Всесоюзное совещание по градостроительству в июне 1960 г. отметило, что комплексное решение вопросов размещения всех обслуживающих культурно-бытовых учреждений в жилых районах и микрорайонах и удобной связи их с жилищем являются в настоящее время одной из важнейших задач советского градостроительства [4, с. 7].

В конце 50-х гг. название московского района Новые Черемушки было на устах всей страны. Слово «Черемушки» стало нарицательным и использовалось для обозначения скоростного индустриального сооружения жилых массивов, массового внедрения микрорайонной застройки в нашей стране.

В столичных градостроительных работах второй половины 50-х гг. стремились создать законченные микрорайоны и жилые районы с благоустройством и озеленением. «Первой ласточкой» тогда стал жилой квартал № 9 в Новых Черемушках, проект которого был завершён к очередному конгрессу Международного Союза архитекторов в 1958 г. Черемушки смогли стать всенародным символом только потому, что олицетворяли идею обновления, идею нового образа, уклада и типа жизни. Название некогда подмосковной деревушки Черемушки стало символом великого переселения, символом социальной справедливости, поразив современников размахом и динамизмом. Из барачных, коммуналок с длинными коридорами ехали в маленькие отдельные, свои квартиры пятиэтажных домиков без излишеств. Над благоустройством и озеленением микрорайонов работали высококвалифицированные ландшафтные архитекторы. Дмитрий Шостакович даже написал музыку оперетты с названием «Москва, Черемушки».

Одной из особенностей жилищного строительства в Москве в 60-е гг. являлось то, что оно велось почти одновременно во всех районах города. В 60-е гг. москвичи узнавали новые адреса массовых главмосстроевских строек: Зюзино, Химки-Ховрино, Матвеев-

ское, Бескудниково, Дегунино, Медведково, Свиблово, Нагатино, Черкизово, Давыдково, Чертаново, Тропарево, Текстильщики, Вешняки-Владычино, Выхино, Зеленоград. Продолжались застройки Новых Кузьминок, Новых Черемушек. И хотя они носили названия бывших пригородных сел, ничто уже не напоминало здесь о недавних окраинах. Прежнее понятие «окраина» было уже неприменимо к Москве. Если вначале занятая микрорайонами площадь была по сравнению с территорией старого города ничтожной, то позже старый город почти везде стал маленьким прибавлением к огромным новым жилым массивам.

На VI сессии Академии строительства и архитектуры СССР в 1969 г. микрорайонная система застройки была признана перспективной. Опыт Новых Черемушек был взят на вооружение во многих городах страны. Микрорайон стал первичной единицей современной городской жилой застройки (главным образом на свободных территориях).

Одной из важнейших задач при проектировании жилой зоны было создание объективных предпосылок для объединения жителей в коллективы, создавая стимулы к их совместной деятельности. Как тогда писали, такая организация жилого массива создает необходимые условия для развития коммунистических форм быта, отдыха, воспитания и образования.

В отечественном послевоенном градостроительстве считалось, что микрорайон станет основной средой общения соседей, чему должны были способствовать небольшие общественные центры-клубы. Но идея эта не выдержала столкновения с жизнью:

сам факт соседства ещё не являлся поводом для сближения людей. Нельзя не заметить, что принцип «соседских отношений» был перенесен в микрорайоны из деревенского образа жизни. Опыт XX в. показал, что в «борьбе» между деревней и большим городом «побеждал» последний, какие бы гуманные идеи ни выдвигались сторонниками деревни.

Положительный эффект микрорайонов, в основном, состоял из архитектурно-планировочных и экологических приобретений; что же касается социальных надежд, возлагаемых на микрорайонную структуру, то они оказались утопическими. Но, несмотря на это, микрорайоны все-таки были островками городского пространства, в рамках которого дети и старики пользовались неограниченной свободой передвижения, находясь в полной безопасности (сквозное движение скоростного транспорта здесь было запрещено).

Членение города на микрорайоны и жилые районы приобретал особый технологический смысл. Микрорайон становился структурной единицей строительно-технологического конвейера по возведению города. В то же время микрорайоны представляли не все виды услуг, а только те, которые были рассчитаны на повседневное удовлетворение. К градостроительным недостаткам относились: неэффективное использование городских территорий, недостаточное культурно-бытовое обслуживание, низкий уровень благоустройства. Не было координации целей отдельных экспериментов между главками Мосгорисполкома и ясности в отношении возможности и сроков реализации их результатов; не

удивительно поэтому, что многие экспериментальные проекты, разработанные институтами ГлавАПУ, встречали сопротивление Главмоспромстройматериалов или Главмосстроя, а иногда – обоих главков. Об этом говорил главный архитектор Москвы М.В. Посохин на заседании Президиума ЦК КПСС 29 ноября 1962 г.: «У нас вопрос комплексной застройки абсолютно сейчас не решается. Это происходит потому, что финансирование идет по разным каналам, по существу нет государственного контроля за осуществлением этой комплексной застройки. У нас есть орган государственного контроля (в ноябре 1962 – декабре 1965 г. существовал Комитет партийно-государственного контроля при ЦК КПСС и Совете Министров СССР во главе секретарем ЦК КПСС А.Н. Шелепиным. – Авт.), ведется контроль за жилищным строительством, за культурно-бытовым, но не в комплексе» [11, с. 650]. На ноябрьском (1962 г.) Пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев в своем докладе обратил внимание и на серьезные недостатки: «... нельзя не видеть серьезных недостатков в проектировании и строительстве жилых и особенно культурно-бытовых зданий. К сожалению, нередко проектируются и строятся здания малоудобные, непривлекательные по внешнему виду, неэкономичные» [1, с. 2].

В связи с повышением плотности жилой застройки появилась тенденция к неоправданному увеличению микрорайонов и жилых районов, к подмене микрорайонов межмагистральными территориями, что получило особенно широкое распространение в Москве. Например, в Москве были микрорайоны, население которых достигало 25-30 тыс. жителей (микрорайоны № 1 и

2 в Беляево-Богородском, в Северном Измайлове и др.) [5, с. 91]. Подобное увеличение приводило к увеличению радиусов обслуживания, затрудняло применение типовых проектов и в итоге приводило к удорожанию строительства.

Таким образом, в 50-60-е гг. XX в. изменились и формы организации городского пространства, и формы жилья, и техническое обеспечение городских территорий. Москва и здесь оказалась лидером, здесь смелее, чем где-нибудь ещё, совершались градостроительные эксперименты. В Москве опробовались новые планировочные и инженерно-строительные приёмы: микрорайон, свободная планировка, повышенная этажность застройки и др. Впоследствии они тиражировались во многих городах страны – как удачно, так и неудачно.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Архитектура. – 1964. – № 9.
2. Бурлин Д. Квартира – дом – район – город // Строительство и архитектура Москвы. – 1960. – № 6.
3. Бюллетень Исполнительного комитета Моссовета. – 1960. – № 8.
4. Градостроительство. – М., 1961. – 591 с.
5. Жилой район и микрорайон. – М., 1965. – 376 с.
6. Из обращения участников Всесоюзного совещания строителей. – М., 1954. – 20 с.
7. Известия. – 1957. – 2 авг.
8. Правда. – 1958. – 6 окт.
9. Правда. – 1960. – 11 июнь.
10. Правила и нормы планировки и застройки городов. – М., 1959. – 178 с.
11. Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Т. 1. Черновые протокольные записи. Стенограммы / гл. ред. А.А. Фурсенко. – М.: «РОССПЭН», 2003. – 1360 с.